

ЯЗЫКОВОЕ ИЗМЕНЕНИЕ И ПРОБЛЕМЫ ДИАХРОНИЧЕСКОЙ ФОНОЛОГИИ (II)*

А. СТЕПОНАВИЧЮС

III. Факторы звукового развития

Общий подход к проблеме

При исследовании механизма звуковых изменений необходимо проанализировать эти изменения не только с точки зрения их конечных результатов, но и с динамической точки зрения, иначе говоря, как процессы. Следует отметить, что со времени возникновения диахронического языкознания лингвисты всегда очень живо интересовались вопросами о том, как изменения протекают и какими причинами они вызываются. Поэтому структурный анализ звукового развития во многом опирается на предшествующий опыт. В частности, исследуя факторы развития, также весьма часто приходится оперировать старыми понятиями, правда, как правило, в ином контексте и в несколько отличных терминах. В сравнительно-историческом языкознании вопрос о причинах звуковых изменений впервые был поставлен, как указал Есперсен, в 1821 г. датским лингвистом Бредсдорфом, в маленькой книжечке „О причинах изменения языка“ [Jespersen 1949, 70–71]. Бредсдорф изменения языка объяснял ослышками и неправильным пониманием, ошибками памяти, несовершенством артикуляционных органов, леностью, стремлением к аналогии, заботой о ясности и потребностью выражать новые идеи [Bredsdorff 1886, 7–32]. Среди факторов звукового и вообще языкового развития стали также упоминать языковые контакты, географические факторы, неточное усвоение языка старших детьми, различные социальные факторы. Следует признать, что аналогичные факторы приводятся и по сей день, хотя, например, современные лингвисты леность предпочитают называть принципом экономии. Конечно, „традиционность“ большинства факторов развития несколько не умаляет вклада структуралистов, раскрывших роль системы в истории языка.

Важно отметить, что ученые обычно искали и ищут не какой-нибудь одной причины, вызвавшей то или иное изменение, а целого комплекса причин [ср. Malkiel 1968, 27]. Само собой разумеется, что роль различных факторов

* Начало статьи см. в XXV (3) номере журнала.

при том или ином изменении неодинакова. Поэтому как в традиционном, так и в современном языкознании делались попытки заранее разграничить более активные факторы от менее активных. Так, в традиционной диахронической лингвистике различали условия (*Bedingungen*) и движущие силы (*treibende Kräfte; wirkende Kräfte*) изменений. Первым данное различие попробовал обосновать Эрнст Отто, следовавший при этом идеям Фосслера [Otto 1919, 8–17; ср. также Otto 1954, 150–165]. В качестве условий он указал: особенности звукового языка (*Eigenarten einer Lautsprache; Charakter der Lautsprache*), очевидные свойства окружающего мира (*die sinfälligen Eigenschaften der Umwelt*) и психофизический склад людей (*die psychophysischen Anlagen der Menschen; die psychosomatischen Anlagen der menschlichen Natur*). Движущих сил Отто насчитывает тоже три: удобство, стремление к ясности и стремление к красоте.

Хаверс движущие силы иначе еще называл „духовными силами человека“ („*die geistigen Kräfte des Menschen*“) [ср. Havers 1933, 3]. Он их обобщил в виде шести тенденций: 1) тенденций отражения (*Abbildetendenzen*), под которыми он понимает в особенности склонность к конкретному способу выражения и склонность к подражанию; 2) эстетических тенденций (*ästhetische Tendenzen*), в особенности выражения настроения и эмоций и стремления к красоте; 3) тенденций к ослаблению напряженности (*Entspannungstendenzen*), под которыми подразумевает разрядку эмоций и сильных чувств; 4) тенденций к экономии сил (*Streben nach Kraftersparnis*); 5) тенденций к упорядочению (*Ordnungstendenzen*); 6) тенденций из области социального поведения (*sozialer Triebkreis*), в особенности вежливости, скромности, предусмотрительности. Германн считал, что Хаверс здесь указал наиболее важные движущие силы изменений [Hermann 1931, 2]. В классификации условий Хаверс в точности следовал Отто. Он писал: „Условия, которые лежат в основе любого исторического изменения, бывают трех видов. Они кроются 1) в особенностях языка как звукового языка, 2) в самих говорящих, т. е. в их психофизическом складе, 3) в окружающем мире (природе, культуре, в окружающих людях) [Havers 1933, 4].

Правильному и четкому разграничению условий и движущих сил придавалось очень большое значение. Германн по этому поводу писал: „В правильном понимании условий и движущих сил кроется основная проблема исторического языкознания“ [Hermann 1931, 1]. Именно здесь думали найти ответ на такой сложный вопрос, как общая изменчивость языка [ср. Hermann 1931, 2]. С таким делением на условия и движущие силы сходны попытки разграничивать основные и второстепенные факторы, первичные и вторичные причины и т. п. Пауль, например, говорил о моторном ощущении как об основной причине изменений, и об удобстве произношения как о второстепенной причине

[Пауль 1960, § 38]. Подобные разграничения делаются и многими современными диахронистами. Например, Шевелов основными факторами считает: 1) взаимодействие между системами гласных и согласных фонем; 2) устранение пустых мест в фонематической системе; 3) взаимодействие между основными (basic) и супraseгментными признаками гласных фонем; 4) взаимодействие между системой фонем и системой чередований. К второстепенным факторам он причисляет: 1) внешние факторы: воздействие других языков; 2) фонетические факторы: устранение более сложных артикуляций, насколько этому не препятствует структура фонематической системы; 3) эмоциональные факторы [Shevelov 1967, 367]. Однако попытки проводить такие разграничения нельзя назвать плодотворными. Это видно хотя бы из того, что часто одно и то же явление одним квалифицируется как условное, второстепенный фактор, другими — как „движущая сила“, первостепенный фактор. Так, если большинство современных диахронистов систему считают активным и даже решающим фактором языкового развития, то некоторые системе приписывают лишь регулирующую роль [ср. Togeby 1960, 403; Baldinger 1963, 558]. Наиболее рациональным решением проблемы было бы признание, что вопрос об основных и второстепенных факторах изменений в каждом отдельном случае может решаться по-разному. При этом очень важно считаться с тем, какие имеются реальные возможности раскрыть те или другие факторы языкового изменения. Это хорошо осознавали и всячески подчеркивали младограмматики, делившие звуковые изменения на обусловленные и необусловленные, или спонтанные. Первые, согласно младограмматическому определению, происходят лишь в определенных позициях, вторые от позиции не зависят. Младограмматики отнюдь не считали, что спонтанные изменения, которые рассматривались ими как важнейший тип звуковых изменений, лишены причинной обусловленности [ср. Wechssler 1900, 427—428]. Они лишь признавали, что причины спонтанных изменений им недоступны. Если же иногда и высказывались предположения относительно причин этих изменений, то лишь самые общие, например, что причин следует искать в каких-то характерных особенностях изменяющихся звуков, в артикуляционной базе и т. п. [ср. Brugmann 1897, § 57; Hermann 1931, 64]. И лишь в диахронической фонологии была доказана структурная и функциональная обусловленность „необусловленных“ изменений. К тому же оказалось, что реконструкция структурных факторов обладает сравнительно высокой степенью достоверности, в то время как, например, реконструкция социальных факторов на данном этапе нам доступна лишь в очень фрагментарном и общем виде [ср. Martinet 1964, 522—523]. Поэтому будет вполне оправдано в диахронических исследованиях основное внимание уделять структурным факторам,

независимо от того, будем ли мы эти факторы считать главнейшими причинами языкового развития (большинство структуралистов считают именно так) или будем им приписывать лишь второстепенную роль. Такая установка отнюдь не значит, что другие факторы должны игнорироваться или вообще исключаться из рассмотрения по тем или другим методологическим соображениям. Это было бы неоправданной абсолютизацией системных факторов¹ и, тем самым, слишком упрощенным толкованием роли этих факторов. Слишком упрощенное представление о роли системных факторов в звуковом развитии языка может возникнуть и вследствие чересчур узкого толкования системы. При рассмотрении системной обусловленности звуковых изменений очень часто исследуются лишь парадигматические отношения фонологического уровня. Если брать лишь парадигматику, то хорошо сбалансированная система не будет уже столь трудно достигаемым состоянием. Вполне логично предполагать, что с достижением равновесия система не могла бы больше играть роль фактора развития и без внешнего влияния она вообще перестала бы развиваться². Однако парадигматикой здесь ограничиваться никак нельзя. Звуковой уровень языка предстает как сложная система, в которой, в свою очередь, можно выделить субфонемный (фонетический) и фонологический уровни, а также как синтагматический и парадигматический, так и сегментный и супraseгментный (просодический) планы. К тому же важно иметь в виду взаимосвязь звукового уровня с другими уровнями — грамматическим, лексическим. Из-за своей сложности система языка никогда не может стать полностью уравновешенной. Отсюда — постоянно действующие внутренние потребности к развитию.

С методической точки зрения мы находим наиболее целесообразным системную обусловленность звуковых изменений рассматривать в следующих аспектах. Прежде всего должна быть рассмотрена внутрискруктурная

¹ Подобную абсолютизацию возводил в методологический принцип диахронических исследований Курилович, который в свое время писал: „Лингвистические факты следует объяснять другими лингвистическими, а не гетерогенными им фактами. Их нужно сводить к элементарным лингвистическим фактам или, по крайней мере, к более простым фактам. Объяснение социальными фактами является методологической ошибкой“ [Kuryłowicz 1948, 84].

² Действительно, те, которые считают полностью сбалансированную систему реальной возможностью, вынуждены искать первопричину изменений во внешних обстоятельствах. Так, Одрикур и Жюйян пишут: „Без воздействия внешних факторов языковая система, сведенная к своим собственным средствам, была бы обречена на полную стабильность, на неподвижность“ [Haudricourt, Juillard 1949, 11; ср. также Juillard 1953, 200]. Их мнение разделяет и Политцер: „В конечном счете структуралисты тоже вынуждены искать изменений, вызванных внешними причинами. Конечный импульс, необходимый для выведения из равновесия сбалансированной системы, должен исходить извне“ [Politzer 1950, 252].

обусловленность звуковых изменений. Это связано с представлением о языке как системе отдельных уровней (звукового, грамматического, лексического). Представляя язык как систему отдельных уровней, функционалисты, с одной стороны, учитывают тот факт, что каждый уровень, или подсистема, имеет свою собственную структуру и что тем самым изучение каждого уровня сопряжено со своими специфическими проблемами³. Поэтому естественно предполагать, что изменения какого-нибудь уровня бывают обусловлены в первую очередь структурными и функциональными особенностями того же уровня и что они влекут за собой в первую очередь перестройку того же самого уровня.

С другой стороны, функционалисты учитывают и тесную взаимосвязь уровней. Ведь язык не является простой суммой уровней и подсистем, это система высшего порядка, в которой все взаимосвязано. Изучение этой взаимосвязи представляет собой важную проблему синхронического анализа. В диахроническом аспекте данная взаимосвязь выступает как важный фактор языкового развития: изменения какого-нибудь уровня могут быть обусловлены взаимосвязью этого уровня с другими уровнями и, в частности, изменения одного уровня могут повлечь за собой изменения и на других уровнях. Иначе говоря, изучение взаимосвязи уровней представляет отдельный аспект в исследовании системной обусловленности звуковых изменений.

При изучении внутривидовой и межвидовой обусловленности звуковых изменений всегда важно не упускать из виду некоторые общие особенности („принципы“) строения языковой системы. Так, изменения должны оцениваться с точки зрения принципа экономии, неодинаковой интегрированности элементов в систему; при изучении фонетических изменений, а также синтагматических структур и процессов важно учитывать такую существенную особенность естественного языка, как линейность. Другими словами, экономия, центральный или периферийный статус фонологических единиц, линейность языка должны рассматриваться в качестве отдельных системных факторов звукового развития.

Внутривидовые факторы звукового развития

Так как звуковой уровень отнюдь не является гомогенной структурой, приходится отдельно рассматривать фонетические и фонологические, син-

³ Разграничение уровней противопоставляет функциональную лингвистику, равным образом как и другие направления структурализма, генеративной лингвистике, в которой фонология, лишенная своего парадигматического аспекта, фактически теряет статус самостоятельного уровня и рассматривается лишь как составная часть грамматики.

тагматические и парадигматические, сегментные и супraseгментные факторы. Перечисленные факторы можно считать внутривидовыми постольку, поскольку все они принадлежат звуковому уровню языка.

Согласно старшей, „атомистической“, точке зрения, сформулированной Бругманном, причину звуковых изменений следует искать лишь в природе (Eigenart) звуков речи. Несостоятельность подобных взглядов доказана давно, однако это еще не значит, что при рассмотрении причин изменений фонетическую реализацию фонем следует вообще сбрасывать со счетов, как это делает, например, Голтон [Galton 1965, 316–317]. Прежде всего, без учета фонетики не может быть правильно понята общая изменчивость языка. Вполне справедливо подмечено, что сама антропофоническая реализация фонем, содержащая, кроме дистинктивных признаков, еще и перманентные недистинктивные признаки, включает в себе предпосылки фонологических изменений [ср. Зиндер, Строева 1965, 9–10; также Зиндер 1957, 72; Стеблин-Каменский 1966, 9, 14]. Теоретически любой недистинктивный признак может стать дистинктивным. В истории языков мы действительно наблюдаем, как недистинктивные признаки становятся дистинктивными и, наоборот, дистинктивные — недистинктивными. Недистинктивные признаки являются предпосылкой смены оппозиций и возникновения новых оппозиций путем фонологизации аллофонов. Еще Поливанов писал, что „дивергенция может иметь место только тогда, когда налицо достаточное физическое расхождение дивергируемых вариантов“ [Поливанов 1968, 71]. В ранней фонологии дистинктивные признаки фонем не обязательно связывались с соответствующими фонетическими признаками и так, если гласные типа /u o/ фонологически анализировались как огубленные, то гласный типа /a/ тоже мог рассматриваться как „фонологически огубленный“. Однако позитивным дистинктивным признаком (признаком со знаком плюса) может быть лишь позитивно (материально) выраженный признак. Возникновение новых оппозиций путем фонологизации аллофонов или смена оппозиций тоже может произойти лишь тогда, когда в реализациях фонем уже существуют соответствующие фонетические признаки.

От фонетической реализации фонем зависит четкость фонологических противопоставлений и, тем самым, судьба отдельных фонем, оппозиций и корреляций. Прежде всего, устойчивость фонем во многом зависит от того, какова фонетическая природа их дистинктивных признаков. Наблюдения над изменениями, притом в самых разных языках, позволяют выделять более и менее сильные (устойчивые) признаки и их сочетания. Так, есть основания предполагать, что в ряду /b d g/ /d/ слабее /b/, а /g/ слабее /d/. Это, в частности, проявляется в том,

что если /b/ изменяется, то обычно изменяются и /d g/; если изменяется /d/, то изменяется и /g/, однако /b/ может остаться без изменения; /g/ может изменяться без изменения /b d/ [Foley 1972, 96—97]. Так, в голландском и фризском ряду /p t k/ противопоставлены лишь /b d/, т. е. /g/ отсутствует [см. Раевский 1966 (1), 279]. В северно-немецком в интервокальном положении /g/ перешло в фрикативный, однако /b d/ не изменились [Foley 1972, 96]. В истории английского языка в системе шумных дорсальные были, пожалуй, самыми изменчивыми (ср. /gg'/ > /dž/; /g'/ > /j/; [ǰ] > /w/, /f/; /k'/ > /č/, позиционное или полное исчезновение /k/, /g/, [h x x'])). В испанском в рефлексах таких латинских форм, как *legere* „собирать“, *cadere* „падать“, /g/ и /d/ исчезли, однако в рефлексах форм типа *habere* „иметь“ согласный сохранился [Foley 1972, 96—97]. На основе таких фактов действительно можно считать, что в системе шумных среди признаков места образования дентальная артикуляция слабее лабиальной, а дорсальная — самая слабая из всех. Сходным образом для согласных слабыми нужно считать признаки палатальности, веларности, увулярности и фарингалности; не случайно по отношению к согласным эти признаки называются вторичными⁴. В системе гласных слабыми следует считать открытые гласные. Здесь можно сослаться на широкую распространенность треугольных систем, в которых гласным, не участвующим в тембровых противопоставлениях, неизменно является самый открытый гласный [см. Трубецкой 1960, 108—137; Мартине 1960, 132].

Фонетической реализации фонем и ее роли в фонологических изменениях большое внимание уделил Мартине. То, что Мартине и другие близко стоящие к нему лингвисты называют областью рассеивания, зоной безопасности, пустыми клетками, принципом максимальной дифференциации фонем, т. е. все то, что Моултон назвал одним обобщающим термином „фонологическое пространство“, больше относится к фонетике, чем к фонологии [Мартине 1960, 70—71, 88, 110; Moulton 1962, 23]. Фонологическое пространство — это не только фонологическая схема, изображающая „чистые“ противопоставления фонем, например, противопоставления высоких—низких, передних—задних, огубленных—неогубленных, кратких—долгих, монофонгических—дифтонгических, или назальных—ротовых гласных. [Названные понятия характеризуют в первую очередь материальную (фонетическую) манифестацию фонологических единиц и их отношений. Понятие „область рассеивания“ вмещает в себя всевозможные варьирования в реали-

⁴ В модифицированной системе универсальных признаков Хомского—Халле данные признаки анализируются как признаки гласных, перенесенные на согласные: палатальные согласные характеризуются как высокие и задние; веларные — как высокие и задние, фарингалные — как низкие и задние [Chomsky, Halle 1968, 305—306].

зации фонем: комбинаторные, диалектальные, стилистические и даже окказиональные. Понятием „зона безопасности“ выражается степень различия между реализациями двух смежных в системе фонем. Одрикур и Жюйян предложили сравнительно простой способ для вычисления областей рассеивания и зон безопасности (Haudricourt, Juilland 1949, 22; ср. также Romeo, 1968, 67–72). Прежде всего, учитывая асимметричность органов речи, вычисляется относительная величина разных рядов. В вычислении Одрикура и Жюйяна общее пространство передних гласных соотносится с пространством задних, как $4,1 : 2,5 = 1,64$, т. е. передний ряд в 1,64 раза больше заднего.

Согласно принципу максимальной дифференциации фонемы в системе располагаются на равном удалении друг от друга. Поэтому, чтобы найти позиции фонем, нужно общее пространство ряда делить на $n-1$, где n — число фонем в данном ряду. Например, при трех степенях подъема удаленность фонем друг от друга в переднем ряду будет выражаться коэффициентом $2,05$ ($4,1 : 2 = 2,05$), в заднем ряду — $1,25$ ($2,5 : 2 = 1,25$). Каждая фонема с обеих сторон имеет зону безопасности, равную половине расстояния от нее до соседней с ней фонемы. Так, когда расстояние между фонемами равно $2,05$, зона безопасности с одной и с другой стороны каждой фонемы равна $1,025$, когда расстояние $1,25$, зона безопасности $0,625$. Область рассеивания одной фонемы равняется сумме зон безопасности с одной и с другой стороны этой фонемы, т. е. каково расстояние между фонемами, таково и их область рассеивания (в данном случае, соответственно, $2,05$ и $1,25$). Совершенно ясно, что так определяемые области рассеивания носят чисто теоретический характер. Это своеобразные оптимальные области рассеивания, которые в нормальных условиях никогда полностью не бывают реализованы. Определяемые лишь с учетом фонетической природы дистинктивных признаков и инвентаря фонем, они, однако, представляют собой важную характеристику устойчивости фонологических систем. Например, большие, по сравнению с задним рядом, области рассеивания в переднем ряду допускают большую перегруженность этого ряда фонемами. Далее, распространенность трехступенчатых вокалических систем можно объяснить лишь тем, что при трех степенях раствора система наиболее стабильна. И наоборот, система менее стабильна, когда степеней раскрытия меньше или больше трех. Другими словами, фонемы становятся, — хотя бы потенциально, — более изменчивыми как при слишком больших, так и при слишком малых областях рассеивания. Конечно, очень многое зависит от того, какие реально устанавливаются реализации фонем. Фактические реализации фонем зависят не только от фонологической системы и от артикуляционной и акустической природы дистинктивных признаков.

Эни в большой мере обусловлены социально, языковой нормой. От нормы з конечном счете зависит, насколько четко фонемы своими реализациями противопоставлены друг другу, притом не только дистинктивными признаками, но и недистинктивными. Произносительная норма фонем в однородном языковом коллективе обычно устанавливается таким образом, что в той же самой позиции реализации смежных фонем не соприкасаются, между ними остается своеобразная „ничейная земля“ (Мартине именно это и называет зоной безопасности). Когда реализации фонем, притом не только с точки зрения дистинктивных, но и недистинктивных признаков, более удалены друг от друга, противопоставления таких фонем более стабильны. И наоборот, когда реализации фонем очень близки, эти фонемы могут легче слиться. Вот почему члены оппозиций очень чувствительно реагируют на изменения в фонетической реализации друг друга: фонетические изменения одной фонемы обычно вызывают соответствующие фонетические изменения и у другой фонемы. Примеры этому можно найти в современных языках. Так, Лабов, исследуя изменения в английском языке Америки на острове Мартас Виньярд (Martha's Vineyard), установил, что, по данным 1961 г., в речи младшего поколения взаимно противопоставленные дифтонги /ai/, /au/ произносились с явно выраженной централизацией. По данным 1933 г., здесь были лишь малозаметные следы централизации этих дифтонгов. Имеющиеся данные также позволяют установить, что централизация /ai/ предшествовала централизации /au/, таким образом фонетическое изменение первого дифтонга можно считать причиной изменения второго [Labov 1965, 96 – 100; Labov 1972, 118 – 134].

От фонетической реализации фонем зависит и наличие пустых клеток. Конечно, пустые клетки прежде всего „заданы“ системой (отсутствие фонем в точках пересечения рядов). Тем не менее о них имеет смысл говорить лишь при определенных реализациях соответствующих фонем. Например, если в системе из пяти фонем /i e/ противопоставлены /u o/ как передние задним, а единственная открытая фонема реализуется как центральный гласный или как свободно варьирующие гласные [æ]~[a], то говорить о наличии пустой клетки в переднем или заднем ряду нет никакой возможности. Если, однако, эта фонема реализуется как передний гласный [æ] или в ее реализации выделяются аллофоны [æ]—[a], причем передний аллофон [æ] является основным, тогда уже можно говорить о наличии пустой клетки в заднем ряду. Сходным образом, если согласные /p t k/ противопоставлены лишь /b d/, то о наличии пустой клетки в ряду звонких (слабых) можно говорить лишь потому, что единственная дорсальная смычная фонема реализуется в данной системе как глухой согласный. Значит, через понятие „пустая

клетка“ мы выражаем зависимость звуковых изменений как от фонологической парадигматики, так и от фонетики.

С фонетической реализацией фонем связаны и так называемые цепи притяжения (*drag-chain*) и цепи отталкивания (*push-chain*) [см. Мартине 1960, 72–87]. Как известно, цепями притяжения и отталкивания называются взаимосвязанные сдвиги нескольких фонем, при которых изменения одних фонем служат толчком для изменения других фонем; при них изменяется фонетическая реализация фонем, могут изменяться дистинктивные признаки, однако фонологического смещения не происходит. Каковы бы ни были начальные импульсы к изменению, в дальнейшем фонетическая реализация фонем здесь играет решающую роль: фонемы изменяются фонетически и фонологически под натиском реализации соседних фонем или, наоборот, воспользуясь пространством, не занятым реализацией соседних фонем. Классическим примером цепи притяжения является так называемый Великий сдвиг гласных английского языка, названный так Есперсеном и представленный им же как цепь изменений, начавшихся с дифтонгизации высоких /i: u:/, которая повлекла за собой сужение остальных долгих (e : > i:, o : > u:, ε : > e:, о : > o:, a : > ε:) [Jespersen 1928, 232; см. также Mossé 1947, 106; Martinet 1955, 248–256; Trnka 1959].

Крайне важную роль в звуковом развитии языка играет взаимодействие звуков в речевой цепи. Это, прежде всего, всем хорошо известные процессы ассимиляции. Роль ассимиляторных процессов в истории языка была осознана давно. Шлейхер и Курциус (*Curtius*) ассимиляцией пытались мотивировать свое учение о постепенном разрушении и „выветривании“ языков в исторический период их развития [Wechssler 1900, 488–489]. Много примеров ассимиляций можно найти у Бругманна, Сиверса, Блумфилда [Brugmann 1897, § 955–960; Sievers 1901, § 744 и сл.; Блумфилд 1968, 406–416, 425, 462, 496–499]. Большинство так называемых обусловленных изменений у младограмматиков – это изменения, обусловленные ассимиляцией.

С чисто фонетической точки зрения ассимиляция – это перенос признаков одного звука на другой звук, например, перенос признаков палатальности, лабиальности, назальности и т. п. Хотя ассимиляция обусловлена физиологически, в каждом языке она регулируется фонологической системой этого языка. Чаще всего под воздействием фонетического окружения в реализации фонем происходят изменения недистинктивных признаков, т. е. аллофонные изменения. Но ассимилироваться могут и дистинктивные признаки фонем, что приводит к фонемным субституциям и исчезновениям в словах, а также к изменениям в синтагматических правилах, например, в правилах нейтрал-

зации, сочетаемости фонем. Взаимодействием звуков в речевой цепи обусловлены также диссимиляция, в результате которой происходит фонемная субституция (ср. лат. *peregrinus* „чужестранец“, *marmor* „мрамор“ и ит. *pellegrino*, англ. *pilgrim*, *marble*), метатеза, иначе говоря, фонемная перестановка, перераспределение фонем на стыке слов, означающее синтагматические фонемные добавления или исчезновения (ср. англ. *a newt* „тритон“ < *an ewt*; *an adder* „гадюка“ < *a naddere*; *an apron* „передник“ < *a napron*), такие явления, как компенсирующее удлинение гласных при выпадении согласных (ср. удлинение гласных при выпадении [x'] в англ. словах типа (*night*, *height*, *fight*)).

Среди фонологических факторов звукового развития парадигматические факторы изучены лучше всех. Определяющим парадигматическим фактором выступают корреляции. Эта мысль со всей категоричностью была высказана В. Я. Плоткиным [1967]. В. Я. Плоткин историю английской фонологической системы представляет прежде всего как историю отдельных корреляций („систем оппозиций“).

Зависимость фонологической эволюции от корреляций яснее всего проявляется в тенденциях к их разворачиванию. Это может быть тенденция к заполнению пустых клеток. Возникновение новых фонем при заполнении пустых клеток – обычное явление в истории языков. Это и понятно – ведь возникновение фонем при заполнении пустых клеток не связано с возникновением новых дистинктивных признаков, это лишь возникновение новых сочетаний дистинктивных признаков [ср. Groot 1948, 192]. Правомерность использовать понятие пустой клетки при объяснении причин звуковых изменений сомнений вызывать не должна. Методологической ошибкой было бы лишь утверждение, что пустые клетки обязательно должны заполняться. Обычно никто этого и не утверждает. Однако диахронисты-фонологи очень часто увлекались конструированием довольно искусственных схем с пустыми клетками, специально предусмотренными для последующего заполнения. Например, прагерманская система гласных очень часто изображается в виде „дефективных“ схем, в которых заранее предусмотрены пустые клетки, чтобы объяснить последующее появление /e₂/ и /o/. Однако появление новых фонем нельзя обязательно ставить в зависимость от пустых клеток. Фонемы могут появляться и без наличия пустых клеток. Реконструкция систем с пустыми клетками будет правдоподобной лишь тогда, когда кроме появления соответствующих фонем для этого имеются и другие основания.

Тенденция корреляции к разворачиванию может проявиться и в том, что дистинктивные признаки из одной подсистемы переносятся в

другую. Здесь примером может служить возникновение корреляции голоса в подсистеме английских фрикативных, по аналогии с корреляцией звонких и глухих смычных. Другой пример – возникновение древнеанглийских кратких дифтонгов /ea eo io/. Сейчас в англистике почти всеобщее признание получила точка зрения Фурке, рассматривающего появление кратких дифтонгов как следствие давления корреляции количества: если раньше при всеобщей корреляции количества праанглийские рефлексy германских /au eu iu/ оставались вне этой корреляции, то теперь и они получили своих кратких коррелятов и, тем самым, признак долготы для них приобрел релевантность [Fourquet 1959, 151, 152; ср. также Крупаткин 1962, 58].

Зависимость фонологических изменений от корреляций проявляется также и в том, что все фонемы коррелятивного ряда обычно изменяются идентично: если происходит смена или исчезновение коррелятивных признаков, то обычно во всех фонемах ряда. Например, при германском передвижении согласных идентичная смена дистинктивных признаков произошла во всех фонемах каждого ряда шумных, что, собственно, и позволяет представлять передвижение как смену корреляций: индоевропейская корреляция придыхательности была заменена корреляцией голоса (звонкости), а индоевропейская корреляция голоса – корреляцией смычности [Стеблин-Каменский 1961, 106–107; Раевский 1966 (2)].

Корреляции выступают как активный фактор и при синтагматических изменениях. Если, например, происходят изменения в правилах нейтрализации, то они обычно касаются не отдельных противопоставлений, а всех входящих в корреляцию фонем. Так, если в конце слова (или в какой-то другой позиции) происходит оглушение, то, как правило, оглушаются не какие-нибудь отдельные звонкие фонемы, а весь ряд звонких, например, все звонкие шумные.

Корреляции и даже отдельные оппозиции определяют также фонетические изменения. Например, когда в определенный период в праанглийском у фрикативных появились звонкие и глухие аллофоны, то на это скорее всего следует смотреть как на результат влияния корреляции голоса в подсистеме смычных. Зависимость фонетических изменений от оппозиций и корреляций очевиднее всего проявляется в сходной фонетической эволюции фонем – членов тех самых оппозиций или корреляций (ср. централизацию /ai au/, стр. 223). Фонетические изменения могут быть „заданы“ и дистинктивными признаками. Дистинктивные признаки, естественно, должны быть фонетически более устойчивыми, в то время как недистинктивные могут сравнительно легко изменяться, без опасности для фонологических противопоставлений. В некоторых случаях фонетическое изменение про-

исходит путем изменения фонетической природы дистинктивного признака. Когда при этом возрастает четкость оппозиций, можно предполагать, что сами эти оппозиции и обусловили изменение. Примеры таких изменений можно найти в истории древнеанглийских дифтонгов, различительный признак которых, скольжение, в разных диалектах и в разные периоды реализовался очень по-разному, причем можно установить, как от той или иной реализации зависела четкость противопоставления дифтонгов между собой и монофтонгам [см. Steponavičius 1973].

Возвращаясь к роли корреляций, заметим, что именно ими должны определяться центр и периферия фонологических систем — понятия первостепенной важности при объяснении причин звуковых изменений. Центр составляют фонемы, участвующие в более крупных корреляциях, периферию — фонемы меньших корреляций и, конечно, фонемы вне корреляций⁵ [ср. Dorfman 1968, 84]. В системе гласных периферийными обычно являются такие фонемы, как назальные или дифтонги. Концепция центра и периферии несовместима с представлением о языке как симметричной и сбалансированной системе [Daneš 1966, 9]. Конечно, будучи сами отражением асимметричности и открытого характера языковых систем, понятия центра и периферии относительны. Определить то или иное явление как центральное или периферийное отнюдь не всегда легко [Daneš 1966, 14]. Но в этом отношении звуковой уровень выгодно отличается от более высоких и тем самым более сложных уровней языка. На звуковом уровне, при менее сложных системных отношениях, центральный или периферийный характер какого-нибудь элемента выступает более наглядно [ср. Vachek 1966 (2), 29].

С диахронической точки зрения важность понятия центра и периферии заключается в том, что периферийные элементы более изменчивы, в то время как центр более стабилен [Мартине 1960, 108—109; Daneš 1966, 12]. Неустойчивость периферийных элементов часто приводит к их полному исчезновению из системы, или наоборот, к интегрированию в систему. Конечно, принципом центра и периферии, как и любым другим принципом нельзя злоупотреблять. Прежде всего, не каждое изменение направлено на интегрирование. Кроме того, периферийные неинтегрированные элементы могут сохраняться

⁵ Понятия центра и периферии появились в работах Мартине еще в 1939 г. В книге „Принцип экономии в фонетических изменениях“ от тоже говорит о фонемах, включенных и не включенных в систему, или о различных степенях включения в систему [ср. Мартине 1960, 108—109, 115—117]. Выражаясь различными терминами, эти понятия встречались и встречаются в работах многих других лингвистов [см. Neustupný 1966, 39]. Однако наиболее широкое развитие идея центра и периферии получила в Пражской лингвистике (ср. хотя бы второй том TLP, носящий подзаголовок „Проблемы центра и периферии в системе языка“).

в языке без каких-либо изменений. Вахек говорит даже о противоборстве двух тенденций — одной, направленной на интеграцию, и другой — против интеграции [Vachek 1966 (2), 31–34]. Также вряд ли целесообразно очень широкое толкование центра и периферии, из-за чего эти понятия становятся крайне расплывчатыми и перекрещиваются с другими характеристиками языковой системы. Например, Вахек периферийной называет фонему, если она плохо интегрирована или если у нее низкая функциональная нагрузка [Vachek 1964, 7–110]. К тому же порой принимаются во внимание ограничения дистрибуции [ср. Romportl 1966, 106] и даже встречаемость в контексте [ср. Daleš 1966, 13]. Однако использование критерия функциональной нагрузки при определении центра и периферии лишь усложняет эти понятия, не привнося ничего нового. Функциональная нагрузка представляет собой отдельную характеристику языка, которая, к тому же, часто входит в противоречие с парадигматическим интегрированием (ср. глаголы типа „быть“ в индоевропейских языках, мало интегрированные, хотя бы в отношении формы, в общую парадигматическую систему глагола, функциональная нагрузка которых, однако, значительна).

В развитии звукового строя языка большую роль играет синтагматика. Изменения фонемного состава морфем и слов, изменения инициалей, финалей, вокалей, слогов, а также просодические изменения в словах очень часто происходят под давлением наиболее продуктивных синтагматических моделей языка. Например, в праиспанском засвидетельствовано изменение консонантного сочетания /-šr-/ в /-štr-/ по аналогии с обычными /-mbr-, -ldr-, -ndr-/ и т. п. [Malkiel 1968, 28–29]. На появление в английском инициалей с полугласным /j/ нужно смотреть как на дальнейшее распространение уже существовавших моделей, а именно сочетаний с сонантами и, в особенности, с полугласным /w/ [ср. Stevick 1968, 71]. Лишь обычность моделей с полугласным /w/ (ср. *skw-, tw-, kw-, dw-, sw-, θw-*) может объяснить многочисленность возникших сочетаний с /j/ (ср. совр. англ. *spj-, stj-, skj-, smj-, pj-, tj-, kj-, bj-, dj-, gj-, fj-, θj-, hj-, sj-, vj-, zj-, mj- nj-, lj-*).

Звуковая эволюция языка не может быть правильно понята без учета просодики. Например, такие изменения германских языков, как закон Вернера, развитие дифтонгов, количественные изменения, развитие безударного вокализма могут быть поняты лишь с учетом взаимосвязи сегментного плана с супraseгментным; С. Д. Кацнельсон роль просодики в этих процессах считает определяющей [Кацнельсон 1966 (1); 1966 (2)*].

* Чтение „Сравнительной акцентологии германских языков“ С. Д. Кацнельсона требует хорошей общелингвистической подготовки, равным образом как и хорошей ориентации

Межструктурные факторы звукового развития

Под межструктурными факторами звукового развития здесь подразумеваются факторы, кроющиеся во взаимосвязи звукового уровня с другими уровнями языка.

Как мы знаем, младограмматики автономность звуковых изменений возвели в незыблемый принцип. Даже Блумфилд [1968, 396–398] защищал тезис, что звуковые изменения не зависят от семантических (грамматических и лексических) факторов. Младограмматики пытались изолировать звуковые изменения от морфологии и лексики, предварительно исключив из сферы рассмотрения изменения по аналогии, т. е. наиболее наглядные случаи влияния грамматики и лексики на развитие звукового строя языка. Сегодня зависимость звуковых изменений от грамматики и лексики не должна вызывать сомнений. Отрицать такую зависимость было бы то же, что отрицать функциональную обусловленность звуковых изменений. Одним из существеннейших аспектов функциональной обусловленности звуковых изменений является функциональная нагрузка фонем и оппозиций. Термин „функциональная нагрузка“ давно получил широкое хождение в диахронической фонологии, хотя большой строгости в его употреблении нет. В самом общем смысле – это определенное статистическое выражение фонемы [ср. Вахек 1964, 248–249]. Росс говорит, что функциональная нагрузка может определяться как число пар, которые различаются исключительно с помощью данной оппозиции, т. е. как число минимальных пар [Ross 1944, 105–106]. В диахронических исследованиях такое понимание функциональной нагрузки широко бытует. Например, низкой считается функциональная нагрузка противопоставления др. англ. /æ/–/a/, так как можно указать лишь единичные минимальные пары, основанные на данном противопоставлении (типа *fare* „путешествие“ дат. ед. ч. – *fare* „я еду“).

Конечно, функциональную нагрузку можно отождествлять с числом минимальных пар лишь при значительном упрощении. Число минимальных пар следует рассматривать лишь как один из аспектов функциональной нагрузки. Роль данного аспекта функциональной нагрузки в истории языка определяется тем, что минимальные пары – это потенциальные омонимы. Естественно, что язык в своем стремлении избежать появления большого числа омонимов будет лучше сохранять те фонологические противопоставле-

---

в проблемах германской филологии. Своеобразным введением в эту трудную книгу могут быть рецензии А. С. Либермана, очень подробно, конкретно и последовательно излагающие и комментирующие концепции С. Д. Кацнельсона [см. Либерман 1968; Liberman 1969].

ния, по которым различается больше минимальных пар. Можно предполагать, что иногда от этого зависит судьба целой корреляции. Например, Вахек считает, что в системе английских шумных смена корреляции голоса корреляцией напряжения могла быть обусловлена необходимостью воспрепятствовать возникновению большого числа омонимов, что могло легко произойти при корреляции голоса, так как данный признак в конце слова имеет тенденцию нейтрализоваться [Vachek 1961, 44–62; Vachek 1968 (1), 8]. Зависимость отдельных оппозиций от числа минимальных пар более непосредственна и очевидна. Так, исследуя причины слияния др. англ. /æ/ и /a/, вполне правомерно будет сослаться на наличие лишь небольшого числа минимальных пар для оппозиции /æ/–/a/. „Боязнь омонимов“ может, конечно, повлиять и на изменения в фонемном составе отдельных слов. Так, есть все основания предполагать, что рефлексом др. англ. формы *lyft* „левый“ стала форма с /e/ (*left*), а не с /i/, так как это дало возможность избежать омонимии с *lift* „поднимать“ [см. Samuels 1969, 330].

При определении функциональной нагрузки очень важно учесть общую частотность фонем, т. е. количество слов, в которых фонема встречается, и ее повторяемость в этих словах. Это как раз и позволяет установить, какой член оппозиции имеет большую функциональную нагрузку и какой – меньшую. Например, при небольшом количестве минимальных или близких к минимальным пар, в которых /ʃ/ функционально противопоставлено /ʒ/ (ср. *Assia* [eiʃə] – *azure* [eiʒə], *treasure* – *thrasher*, *fission* – *vision*), функциональную нагрузку оппозиции /ʃ/–/ʒ/ следует считать малой. Но если брать эти фонемы в отдельности, то малой следует считать лишь функциональную нагрузку редкой фонемы /ʒ/; частотность /ʃ/ большая, и ее функциональная нагрузка представляется значительной. В этой связи заметим, что если обычно большая функциональная нагрузка связывается с большей устойчивостью, то здесь дело обстоит несколько по-другому: более частая фонема характеризуется, как правило, более разнообразной дистрибуцией и, тем самым, большей вариативностью своих реализаций, что уже само по себе чревато изменениями. Конечно, крайне редко встречающиеся фонемы также склонны к неустойчивости.

Функциональная нагрузка отдельных фонем и тем самым оппозиций зависит также от фонотактических факторов. Малой бывает функциональная нагрузка тех фонем, дистрибуция которых крайне ограничена. Таковы современная английская фонема /ŋ/, встречающаяся лишь в поствокальных позициях на конце морфем, или древнеанглийские фонемы /æ/ и /a/, большей частью сохранившие по отношению друг к другу комплементарную дистрибуцию.

Для определения функциональной нагрузки фонем и выявления причин и особенностей их развития крайне важно изучить их использование в отдельных морфологических и лексических системах. Например, в истории парадигматических противопоставлений и в особенности в изменениях фонемного состава словоформ важную роль играют морфологические чередования. В силу унифицирующего влияния парадигмы незначительные в функциональном отношении чередования часто устраняются, что не может не повлиять на устойчивость тех противопоставлений, на которых данные чередования основаны. Здесь как нельзя лучше подходит пример древнеанглийского чередования $/æ/ \sim /a/$, широко распространенного в парадигмах имени и глагола, а также в словообразовании, однако в функциональном отношении почти целиком избыточного. В древнеанглийских парадигмах засвидетельствованы многочисленные случаи уравнительной аналогии, когда $/æ/$ вытеснялась $/a/$ и, тем самым, чередование $/æ/$ и $/a/$ устранялось; ср. *fare* (<*fære*) сослаг. накл. наст. вр., *far* пов. накл. по аналогии с формами типа *faran* „ехать“; ср. также формы прилагательного *hwæt* „быстрый, смелый“ *hwate*, *hwatestan*, аналогичные формам *hwata*, *-um*. Когда, примерно, в XII в. произошло парадигматическое слияние $/æ/$ и $/a/$, функциональная избыточность чередования $/æ/ \sim /a/$ должна была оказывать скорее стимулирующее, чем сдерживающее воздействие. С другой стороны, важные в функциональном отношении чередования, как правило, более стабильны. Тем самым более стабильными оказываются и парадигматические противопоставления чередующихся фонем, ровным образом как и фонемный состав слов, в которых такие чередования проявляются. К тому же модель таких чередований может распространяться и на другие формы, способствуя разнообразным звуковым изменениям. Интересный пример того, как распространение по аналогии морфологических чередований способствует образованию новых оппозиций и фонем, привел Якобсон: в белорусском по аналогии с чередованиями типа $/tv - ú/ \sim /rv - óš/$, $/vr - ú/ \sim /vr' - óš/$, в которых используется противопоставление палатализованных и непалатализованных согласных, появилась пара $/tk - ú/ \sim /tk' - óš/$, где $[k']$, ранее палатальный аллофон фонемы $/k/$, должен уже рассматриваться как новая фонема $/k'/$; сходным образом по модели пар $/l'ac' - íš/ \sim /l'ač - ú/$ образовавшиеся пары с соответствующими звонкими, типа $/hl'adz' - íš/ \sim /hl'aďž - ú/$, знаменуют появление звонкой палатализованной аффрикаты $/dž/$ [Jakobson 1971, 114]. Не менее интересный пример фонологического изменения, обусловленного морфологией, приводит Молкиел из истории испанского языка [Mal'kiel 1968, 33–50]. Замечено, что латинские медиальные консонантные сочетания *-rg-*, *-lg-*, *-ng-* перед передними гласными в древнеиспанском подверг-

лись особому развитию. Палатализованное *g* [g'] в этих сочетаниях переходит в *z* [z, dz]: *argilla* „гончарная глина“ > *arzilla*, *ērigere* „поднимать“ > *erzer*, *gingīva* „десна“ > *enzīa*, и т. п. Начальное *g'* в древнеиспанском изменению в [z], [dz] не подвергалось. Как правило, оно здесь исчезало: *gelāre* „замерзать“ > *elar*, *germanu* „(единокровный) брат“ > *ermano*. Это расходится с общей тенденцией развития: в романских языках второй согласный, особенно смычный, в двухчленных срединных группах обычно трактуется так же, как и соответствующий согласный в начальных положениях; обычно он остается неизменным: *domīnu* „хозяин“ > *dueño*, *mordere* „кусать“ > *morder*. Объяснение особому развитию [g'] в сочетаниях -*rg-*, -*lg-*, -*ng-* Молкиел находит в истории испанской глагольной парадигмы. Отправной точкой всего развития Молкиел считает чередование -*g-* (перед непередними гласными) и -*z-* (перед передними гласными) в парадигме очень употребительного древнеиспанского глагола *dizer* (< *dico*, -*ere*) „говорить“: изяв. накл. *digo*, *dize(s)*..., сослаг. накл. *diga(s)*. Модель этого морфологического чередования распространилась и на другие глаголы. Так, в парадигме глагола *fazer* (< *facio*, -*ere*) „делать“, по аналогии с формами *digo*, *dize(s)*..., *diga* исконные формы **faço*, *faz(es)*... **faça* были вытеснены формами *fago*, *faz(es)*..., *faga*. Позиция перед задним гласным стала наиболее характерной позицией для -*g-*. Лишь этим можно объяснить, например, проникновение -*g-* в *oya* < *audia(m)* „слышал бы“, в результате чего появилась форма *oiga*. В распространении медиального -*g-* перед задними гласными особенно большую роль могли сыграть глаголы на -*ngo* (*vingo*, *pango*, *pingo*, *tango*...). Естественно предполагать, что чередование -*g-* и -*z-* было перенесено в первую очередь на эти глаголы; ср. *frango*, *franzer*..., вместо традиционных *frango*, *frañes*. Потом -*nz-* распространилось и на другие глаголы того же спряжения, способствуя тем самым появлению аналогичных ему -*lz-* (< -*lg-*) и -*rz-* (< -*rg-*). В заключение -*nz-*, -*lz-*, -*rz-* должны были распространиться на все слова с первоначальными сочетаниями -*ng-*, -*lg-*, -*rg-*, независимо от грамматического класса этих слов.

Участие фонемы в продуктивных типах чередований значительно увеличивает ее стабильность. Например, Вахек устойчивость чешской периферийной фонемы [ʃ] объясняет как раз тем, что она морфологически чередуется с [r], аналогично чередованиям [t] с [tʰ], [d] с [dʰ], [n] с [ñ] [Vachek 1968 (2), 97–102].

Различные морфемные и лексические классы могут характеризоваться своим фонемным составом, своими особенностями дистрибуции фонем. Звуковое развитие в отдельных классах может быть подчинено своим закономерностям. Например, отдельного рассмотрения требует фонемный состав и

фонемное развитие флективных морфем. В современном английском в флекциях используются только согласные /z s d t n ŋ/ и гласные /i ə/. Противопоставления по голосу (/z/—/s/, /d/—/t/) не имеют никакой различительной функции, так как выбор звонкого (с /z d/) или глухого (с /s t/) варианта флективной морфемы автоматически зависит от предшествующей фонемы. Такой же скудный фонемный состав и у древнеанглийских флективных морфем: пять согласных (/d t s þ n/) и пять гласных (/i e u o a/). Грамматических различий типа *cyninge* — *cyninga*, *cyninges* — *cyningas* (формы *cyning* „король“ или *ieran* „нести“ — *beren* — *bereþ* — *beraþ*, основанных на противопоставлении отдельных фонем, можно найти немного. К тому же такие формы часто входили в разные сочетания и синтагматически друг другу не противопоставлялись. Другими словами, функциональная нагрузка фонем в английских флективных морфемах была и остается очень незначительной. Однако нельзя слишком поспешно делать вывод, что фонемы флективных морфем и их изменения, обусловленные развитием грамматической системы и просодическими факторами, не оказывали никакого влияния на общее фонологическое развитие языка. Наоборот, в ранние периоды истории английского языка гласные флексий, подчиняясь общим закономерностям безударного вокализма, не вызывали коренные фонологические перестройки в словах и в общей парадигматической системе (ср. умлауты, различные количественные изменения).

Внутри отдельного лексического или грамматического класса встречаемость какой-либо фонемы (или фонемного сочетания) может быть столь велика, что эта фонема приобретает значение символа (форманта) класса. Если взять местоимения и местоименные наречия современного английского языка, на основе действительных противопоставлений типа здесь—там, теперь—тогда, эти слова можно сгруппировать следующим образом:

here — *there*
hither — *thither*
hence — *thence*
this — *that*

Слова со значением „более удаленный в пространстве или во времени“ начинаются на th- [θ-]. Поэтому их можно назвать th-словами. Использование фонем в качестве формантов тоже должно быть учтено при определении их функциональной нагрузки. В лексическом, грамматическом и фонологическом развитии класса такой формант может играть определенную роль. Например, th-формант мог способствовать изменению др. англ. *sē* „тот“, *þo* „та“ в ср. англ. *þe*, *þeo*. Здесь не отрицается одновременное и даже более сильное давление парадигмы *ēs*, *sēo*, *þæt* (косвенные падежи у всех трех

родов были th-формами: *bas*, *hære*, *hone*, *hā* и т.д.). Конечно, ссылки на формантную (символическую) функцию фонем при объяснении изменений можно делать лишь в самой осторожной форме. Например, нет серьезных оснований предсказывать изменение и тем паче исчезновение *this*, исходя лишь из несоответствия фонемной формы этого слова его содержанию (th-слово, однако, без значения удаленности).

Много специфического в изменениях фонемного состава имен собственных. В принципе, конечно, имена в своем развитии подчиняются тем же закономерностям, что и простые слова. Однако в истории языков засвидетельствованы многочисленные случаи субституции или утраты фонем, ограничивающиеся лишь рамками класса имен собственных; здесь чаще наблюдаются изолированные, относящиеся к одной — единственной лексеме, фонологические изменения. Во многом это объясняется семантической изолированностью имен, обусловленной их денотативным характером. Из-за своего денотативного характера имя (или элемент имени) теряет связь с простым словом, от которого оно произошло. Оказавшись вне лексических и грамматических систем, к которым оно раньше принадлежало, имя становится более восприимчивым к изменениям. Системная изолированность имен не исключает, однако, их ассоциативных связей с другими словами. Хотя с точки зрения системы эти связи не имеют никакого значения (часто они бывают вообще ложными), они могут способствовать значительным изменениям в фонемном составе имен. К тому же в рамках определенного языкового коллектива имена принадлежат к крайне употребительным словам. В таких словах любые аномалии структуры (редкие фонемы, необычные фонемные сочетания, нетипичное место ударения и т. п.) ощущаются особенно явно и раньше или позже устраняются. Вот почему фонологическая модель имен собственных подчас изменяется до неузнаваемости, так что названия одинаковой формы могут быть разного происхождения и, наоборот, названия разной формы могут быть того самого происхождения. Сказанное в полной мере подтверждается богатым английским ономастическим материалом. Большинство английских имен по своему происхождению являются сложными словами, которые, в свою очередь, восходят к обычным словосочетаниям, среди которых наиболее типичные следующие [см. Reaney 1961, 30 и сл.]: (1) субстантивные словосочетания, полученные путем обыкновенного словосложения (ср. *Farnborough* < др. англ. *fearn* „папоротник“ + *beorȝ* „холм“, т. е. „холм, покрытый папоротником“; *Hertforde* < *heorot* „олень“ + *ford* „брод“, т. е. „олений брод“); (2) субстантивные сочетания, адъюнкты которых выражены существительным в родительном падеже в единственном или во множественном числе (ср. *Tuddenham* < *Tuddan hām* „усадьба человека, по имени *Tudda*“; *Edwards-*

tone < *Ēadwerdes tūn* „огороженная земля человека, по имени *Ēadweard*“; *Bolnhurst* < *bulena hyrst* „бычья роща“); (3) субстантивные словосочетания, адъюнкты которых выражены прилагательными, чаще всего в слабой (определенной) форме (ср. *Newton* < *nīwa tūn* „новая усадьба, деревня или город“; *Newnham*, *Nuneham* < *nīwa(n) hām* „новый дом“); (4) предложные словосочетания, часто в эллиптической форме (ср. *Bure* < *bē ofre* „у берегу моря“; *Beaute* < *bī holte* „у рощи“; *Twynning* < *betwēonan ēam* „междуречье“). Объединение подобных сочетаний в отдельные слова сопровождалось разнообразнейшими фонологическими процессами. Большинство процессов были направлены на сокращение форм. Это и понятно: в ежедневном употреблении удобнее иметь более краткие названия, а названия, восходящие к словосочетаниям, были даже длиннее обычных слов. Имена собственные, прежде всего личные имена, могли иметь краткие формы. В качестве краткой формы мог употребляться первый или второй компонент сложного имени: *Wine* от *Winebeorht* или от *Wulfwine*, *Cēn* от *Cēnweald*. Иногда и такому элементу прибавлялся аффикс *-a*, например, *Cūda* от *Cūðbeorht*, *Saba* или *Sæba* от *Sæberht* (король Эссекса). В более ранний период употреблялся аффикс *-i*, который к VIII в. обычно изменился в *-e*; отсюда *Tīdi*, *Tīli* или *Brȳni* от *Brūnheard* [Reaney 1961, 51]. Эти процессы, конечно, скорее относятся к словообразованию, чем к фонологическим изменениям. Однако сокращение имен могло происходить и путем собственно фонологических изменений, прежде всего через элизию гласных.

При самом словосложении, а также при элизии гласных часто возникали сложные и даже нетипичные консонантные сочетания, поэтому процесс сокращения и упрощения имен собственных сопровождался интенсивными изменениями согласных: их исчезновением, субституцией, метатезой и даже добавлением; субституции и добавления гласных также были возможны. Например, развитие названия *Abraham* (< др. англ. *Ēadburzeham* „усадьба женщины по имени *Ēadburz*“, Ланкашир) прослеживается по таким формам: *Adburzham* (1199 г.), *Abburzham* (1246 г.), *Abraham* (1372 г.), *Abram* (1461 г.). Добавления согласных, аналогичные добавлениям в *thimble* (< др. англ. *þymel* „наконечник“, „наперсток“, *thunder* (< др. англ. *þunor*) „гром“, *empty* (< др. англ. *ǣmetiz*) „пустой“, можно наблюдать в названии из Уэстморленда *Ambleside* (др. сканд. *á* „река“, *melr* „песчаная отмель“, *sætr* „пастбище“, т. е. „пастбище на берегу реки“), в названии из Глостершира *Kempford* (ср. *Cynemæresford* 800 г., „брод *Cynemær*“) и др. Метатеза засвидетельствована в таких ранних формах названия города Бирмингема (*Birmingham*), как *Breminzham* (1166 г.), *Bruminzham* (1189 г.), *Brimuzham* (1377 г.), *Brymicham* (1469 г.), *Bromegen* (1650 г.) [Reaney 1961, 40–42].

Некоторые из таких изменений сводимы к определенным правилам. Например, юго-западные названия типа *Stoford* или *Stowford* (др. англ. *Stānford*), *Staward* (др. англ. *Stānweorþ*), *Stowey* (др. англ. *Stānwez*) позволяют вывести правило, что в уэссекском, а также, возможно, и в других диалектах в топонимах назальный в позиции после долгого гласного и перед лабиальным согласным исчезал [см. Ekwall 1963, 42–46]. Начальные *hj-*, *sj-* в ряде топонимов были заменены *ʃs-*: *Shetland* (др. сканд. *Hjaltland*), *Shap* (др. сканд. *Hjap*, др. англ. *Hēap*), *Shipton* (др. англ. *Hēoptūn*) [см. Ekwall 1963, 64–65].

Ввиду подобных изменений говорить о консерватизме как об отличительной черте имен собственных было бы недоразумением. Совсем невероятным было бы предположение, что имена могут сохранять фонемы, исчезнувшие во всех других словах⁷. Консервативными, однако, имена могут быть названы постольку, поскольку они сохраняют диалектальные особенности своей фонемной структуры. Благодаря своей изолированности имена менее остальных слов подвержены влиянию национального литературного языка. Например, названия с юга Англии (от Девона до Эссекса и Кента) сохраняют начальное */v/* из */f/*: *Vasterne* (др. англ. *fasten* „крепость“); *Venn, Venny, Van* (др. англ. *fen* „болото“); *Zeal, Zelah* (др. англ. *sele* „зал“) и др. [Reaney 1961, 48].

О принципе экономии

Принцип экономии к истории языка стали применять еще в XIX в. Это было объяснение звуковых изменений „удобством произношения“. Высказывания носили самый общий характер и, по сути дела, повторяли друг друга, как, например, следующие два высказывания:

„Любое изменение звуков, какое только может произойти в истории языка, это прежде всего непосредственный результат стремления облегчить работу органов речи. Удобство произношения, экономия в работе мышц – вот что является здесь движущей силой. Таким образом объяснения фактов звуковой истории можно ожидать лишь от физиологии органов речи“ [Schleicher 1879, 50].

„Первый и наиболее важный принцип, на который мы должны обратить внимание, принцип, который лежит в основе почти всех фонетических изменений языка, это тенденция... облегчить говорящему артикуляцию, более трудные звуки и сочетания звуков заменить более легкими и полностью избавиться от всего ненужного в употребляемых нами словах“ [Whitney 1872, 69–70].

⁷ Подобное предположение высказал Коллинге [Collinge 1970, 46].

Принцип „удобства произношения“ признавал и Пауль. Представляя звуковое изменение как постоянные, незаметные и направленные в одну сторону отклонения от нормальной артикуляции, он видел причину отклонений в том, что такие отклонения в каком-то отношении удобнее для органов речи говорящего [ср. Пауль 1960, § 38; см. также Weinreich 1968, 104–120, где очень ясно излагается и критически оценивается лингвистическая концепция Пауля]. К тому же Пауль целую главу „Принципов истории языка“ (глава VIII: „Экономия языковых средств“) посвятил вопросу экономии синтаксических и морфологических форм. Здесь он пишет: „Более или менее экономное использование языковых средств для выражения мысли зависит от потребности. Нельзя, правда, отрицать того, что очень часто языковые средства используются излишне расточительно. В целом, однако, для языковой деятельности характерна определенная тенденция к бережливости. В соответствии с этой тенденцией в языке для всех случаев вырабатываются способы выражения, которые содержат ровно столько, сколько необходимо для понимания. Количество используемых средств зависит от ситуации, речевого контекста и от большего или меньшего сходства в духовном складе говорящих“ [Пауль 1960, § 218]. Приведенная цитата интересна тем, что экономии Пауль рассматривает во взаимосвязи и даже в зависимости от функции форм („потребности“).

Принципом экономии руководствовался Генри Суит, объясняя исчезновение из языка лишних элементов. Важно учесть, что лишние элементы Суит не обязательно отождествлял с труднопроизносимыми элементами [ср. Sweet 1888, § 185–186].

Следуя Суиту, Поль Пасси называет экономии чрезвычайно активным и универсальным принципом, которым он объяснял такие изменения, как упрощения групп согласных, ассимиляция, контракция, синкопы и даже системные слияния фонем, различение которых слишком трудное или излишнее. В концепции Пасси принципу экономии, гласящему, что „язык постоянно стремится освободиться от того, что является лишним“, противостоит принцип эмфазы, гласящий, что „язык постоянно стремится выделить то, что является необходимым“. Лишь благодаря взаимному противодействию этих двух принципов язык никогда не теряет способности служить эффективным средством коммуникации. Принцип эмфазы ведет к подчеркиванию, выделению и усилению фонетических единиц, важных для словоразличения. Этот принцип объясняет аспирирование и аффрицирование смычных, диссимиляции и т. п. [о теории Пасси см. Passy 1890, особенно 223–230; Мартине 1960, 65].

Основопологающие принципы теории Есперсена совпадают с принципами Пасси. Он пишет: „В языковых изменениях мы наблюдаем постоянное

взаимодействие двух противоположных тенденций, одна из которых индивидуального, другая социального характера, одна направлена на удобство, другая на ясность“ [Jespersen 1941, 15]. Первая тенденция соответствует принципу экономии, а вторая, которую он называет принципом значимости (*Wertprinzip*), соответствует принципу эмфазы Пасси. Последний принцип Есперсен сформулировал еще в 1886 г. [см. Jespersen 1933, 175, 218].

Принцип экономии, независимо от Суита, Пасси и Есперсена, в своих работах, восходящих к 1870 г., разрабатывал Бодуэн де Куртенэ. Согласно его теории, физические (физиологические) и психические факторы, вызывающие языковые изменения, сводимы к одной общей причине, а именно: к стремлению к экономии, к уменьшению усилий при произношении, слушании и мышлении [ср. Бодуэн 1963, I, 58, 82–83, 89, особенно 225–248].

О стремлении к экономии как типичной черте речи и главном факторе изменения языка писал Поливанов [ср. Поливанов 1968, 60–61, 81–84]. Под экономией он понимал экономию силы, сокращение отдельных артикуляций и экономию времени, тратимого на произношение отдельного комплекса.

Мартине выражает свое отношение к истории языка тезисом, который нам уже известен из работ Пасси и Есперсена:

„Постоянное противоречие между потребностями общения человека и его стремлением свести к минимуму свои умственные и физические усилия может рассматриваться в качестве движущей силы языковых изменений. Здесь, как и в ряде других случаев, поведение человека подчинено закону наименьшего усилия, в соответствии с которым человек растрчивает свои силы лишь в той степени, в какой это необходимо для достижения определенной цели...“

На каждой стадии эволюции устанавливается определенное равновесие между потребностями общения, противопоставляющими употребление более многочисленных и более специфических единиц, выступающих в высказывании весьма редко, и свойственной человеку инертностью, обуславливающей употребление очень ограниченного числа единиц, более общих по своей значимости и более употребительных“ [Мартине 1963, 532–533; см. также Мартине 1960, 126].

Принцип экономии в фонологических трудах Мартине был подвергнут весьма конкретному и детальному рассмотрению. Заслуга Мартине заключается в том, что он обнаружил принцип экономии во всем строении фонологических систем и сделал надлежащие выводы относительно роли этого принципа в эволюции языка.

Мартине пишет, что принципом экономии определяется само существование фонем [Мартине 1960, 127]. И действительно, конструируя фонемы из дистинктивных признаков, а из фонем — единицы более высокого порядка, язык в состоянии с помощью крайне ограниченного числа элементарных единиц (дистинктивных признаков, фонем) создать практически неограниченное число обозначающих (морфем, слов). Принципом экономии Мартине объясняет и существование двух самостоятельных фонологических подсистем — системы гласных и системы согласных [Мартине 1960, 141—142]. Тем же признаком объясняется существование корреляций и пучков корреляций. Корреляции позволяют максимально использовать признаки, обладающие хорошей сочетаемостью, и, таким образом, увеличить число фонем без увеличения общего числа различающихся артикуляций. При меньшем количестве различающиеся артикуляции могут более четко противопоставляться друг другу [Мартине 1960, 133—135].

Принципом экономии Мартине объяснил, почему фонемы, включенные в корреляцию, устойчивее фонем, не включенных в корреляцию, и почему корреляции проявляют тенденцию к расширению, т. е. почему происходит заполнение пустых клеток, увеличивается число коррелятивных пар и т. п. [Мартине 1960, 136—138]. Объяснение Мартине примерно таково. Если взять гипотетическую корреляцию

AN	BN	CN
ANX	BNX	CNX

то исчезновение, допустим, фонемы CNX никакой экономии дистинктивных признаков не дало бы: признаки C и N сохранились бы в фонеме, содержание которой определяется именно этими признаками (т. е. в фонеме CN), а признак X сохранился бы в фонемах ANX, BNX. С другой стороны, в истории языков часто создается ситуация, которую можно представить так:

AN	BN	CN	DN
ANX	BNX	CNX	—

Хотя DN и включено в ряд AN BN CN, в корреляции по признаку X оно не участвует, так как не имеет соответствующего коррелята. Мы уже знаем, что с чисто структурной точки зрения такая ситуация уже чревата изменениями. Здесь может произойти одно из двух: либо фонема DN исчезнет, либо она получит коррелят DNX и приобретает таким образом структурную устойчивость. Исчезновение фонемы DN дало бы артикуляторную экономию, так как с этой фонемой исчез бы изолированный признак D. С точки зрения экономии появление фонемы DNX представляется одинаково вероятным,

так как оно не сопряжено с увеличением числа релевантных артикуляций. Не исключена также возможность, что две какие-нибудь изолированные фонемы Y и Z изменят свою артикуляцию таким образом, что включатся в корреляцию как пара EN—ENX. Исходя из всего этого, Мартине и делает вывод: „...с теоретической точки зрения наиболее устойчивой и, следовательно, наилучшей в фонологическом отношении является система, все члены которой включены в корреляции и пучки“ [Мартине 1960, 138]. Именно такие системы принято называть симметричными. Однако Мартине вполне отдает себе отчет в том, что такая система отнюдь не всегда оказывается и на практике самой лучшей и самой устойчивой [ср. Мартине 1960, 138, 142—143]. Дело в том, что не все признаки обладают одинаково хорошей сочетаемостью. Мартине очень подробно рассмотрел различные корреляции с точки зрения сочетаемости признаков, служащих приметой корреляции, с другими признаками [Мартине 1960, 143—172]. Здесь Мартине главное внимание сосредоточивает на структурных особенностях фонологических систем вообще. При этом очень ясно обнаруживается, что механизм языка, в том числе и изменения, определяется отнюдь не одной лишь экономией. Тем самым появляется возможность усомниться в правомерности выдвижения принципа экономии в качестве универсального принципа, которым определяется вся языковая структура и эволюция [ср. Vachek 1966 (1), 24—25]. Чрезмерное, хотя и вполне понятное желание подчеркнуть роль экономии нанесло ущерб книге Мартине „Принцип экономии в фонетических изменениях“ и в методическом отношении: глава третья называется „Структура“, а четвертая — „Экономия“, хотя, по сути дела, в обеих речь идет о структуре. Но все эти оговорки отнюдь не умаляют теоретической и практической ценности трудов Мартине и никак не ставят под сомнение плодотворность понятия принципа экономии, особенно в диахронических исследованиях. Принцип экономии, как общий принцип языковой структуры и ее развития, всегда учитывают ученые, работающие в традициях функциональной лингвистики.

Л и т е р а т у р а

- Блумфилд Л. 1968. Язык. М.
 Бодуэн де Куртенэ И. А. 1963. Избранные труды по общему языкознанию. Том I. М.
 Вахек Й. 1964. Лингвистический словарь пражской школы. М.
 Зиндер Л. Р. 1957. О звуковых изменениях. — Вопросы языкознания, 1957, 2, 69—77.
 Зиндер Л. Р., Строева Т. В. 1965. Историческая фонетика немецкого языка. М.—Л.
 Кацнельсон С. Д. 1966 (1). Системные факторы фонетического развития. — Материалы... 1966, I, 15—16.
 Кацнельсон С. Д. 1966 (2). Сравнительная акцентология германских языков М.—Л.

Крупаткин Я. Б. 1962. К истории древнеанглийской системы гласных. — Вопросы языкознания, 1962, 6, 54—60.

Либерман А. С. 1968. С. Д. Кацнельсон. Сравнительная акцентология германских языков. М.—Л., 1966. — Вопросы языкознания, 1968, 2, 124—131.

Мартине А. 1960. Принцип экономии в фонетических изменениях. М.

Мартине А. 1963. Основы общей лингвистики. — Новое в лингвистике. Выпуск III. М., 366—566.

Материалы Всесоюзной конференции по общему языкознанию „Основные проблемы эволюции языка“. 1966. Части I—II. Самарканд.

Пауль Г. 1960. Принципы истории языка. М.

Плоткин В. Я. 1967. Динамика английской фонологической системы. Новосибирск.

Поливанов Е. Д. 1968. Статьи по общему языкознанию. М.

*

Baldinger K. 1963. Traditionelle Sprachwissenschaft und historische Phonologie. — Zeitschrift für Romanische Philologie, Bd. 79, 530—566.

Bredsdorff J. H. 1866. Om Aarsagerne til Sprogens Forandringer. Kjøbenhavn.

Brugmann K. 1897. Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. Erster Band. Strassburg-Chomsky N., Halle M. 1968. The Sound Pattern of English. New York.

Collinge N. E. 1970. Collectanea Linguistica. The Hague, Paris.

Daneš F. 1966. The Relation of Centre and Periphery as a Language Universal. — TLP, 2, 9—21.

Dorfman E. 1968. Correlations and Core-Relations in Diachronic Romance Philology. — Word, vol. 24, 81—98.

Ekwall E. 1963. Selected Papers. Lund, Copenhagen.

Раевский М. В. 1966 (1). К вопросу о типологии консонантных систем современных германских языков. — Структурно-типологическое описание современных германских языков. М., 277—289.

Раевский М. В. 1966 (2). Влияние первого передвижения согласных на дальнейшую эволюцию системы шумных в германских языках (к проблеме внутрисистемных факторов развития). — Материалы... 1966, I, 268—270.

Стеблин-Каменский М. И. 1961. Сущность германских передвижений согласных. — Вестник Ленинградского университета. № 20. Серия истории, языка и литературы. Выпуск 4. Ленинград, 102—108.

Стеблин-Каменский М. И. 1966. Очерки по диахронической фонологии скандинавских языков. Л.

Трубецкой Н. С. 1960. Основы фонологии. М.

Foley J. 1972. Rule Precursors and Phonological Change by Meta-Rule. — Stockwell, Macaulay, eds. 1972, 96—100.

Fourquet J. 1959. Le système des éléménts vocaliques longs en vieil-anglais (Considérations „structurales“). — Mélanges de linguistique et de philologie, Fernand Mossé in memoriam. Paris, 150—158.

Galton 1965. Accent, a Chief Factor in Linguistic Change. — Proceedings... 1965, 316—320.

de Groot A. W. 1948. Structural Linguistics and Phonetic Law. — Lingua, vol. I, 175—208.

Haudricourt A. G., Juilland A. G. 1949. Essai pour une histoire structurale du phonétisme français. Paris.

Havers W. 1933. Zum Problem der sprachlichen Veränderungen. — Zeitschrift für Deutsche Bildung. 9 Jahrgang, Heft I, 1—10.

- Hermann E. 1931. *Lautgesetz und Analogie*. Berlin.
- Jakobson R. 1971. *Selected Writings*. II. The Hague.
- Jespersen O. 1928. *A Modern English Grammar*. Part I. Heidelberg.
- Jespersen O. 1933. *Linguistica*. Copenhagen.
- Jespersen O. 1941. *Efficiency in Linguistic Change*. København.
- Jespersen O. 1949. *Language*. London.
- Juilland A. G. 1953. A Bibliography of Diachronic Phonemics. — *Word*, vol. 9, 198—208.
- Kuryłowicz J. 1948. Le sens des mutations consonantiques. — *Lingua*, vol. I, 77—85.
- Labov W. 1965. On the mechanism of linguistic change. — Report of the Sixteenth Annual Round Table Meeting on Linguistics and Language Studies. Ed. Charles W. Kreidler. Washington, 91—114.
- Labov W. 1972. The Internal Evolution of Linguistic Rules. — Stockwell, Macaulay, eds. 1972, 101—171.
- Lass R., ed. 1969. *Approaches to English Historical Linguistics*. An Anthology. New York.
- Lehmann W. P., Malkiel Y. eds. 1968. *Directions for Historical Linguistics*. A Symposium. Austin, London.
- Lieberman A. S. 1969. Problems of Germanic Accentuation. — *Acta Linguistica Hafniensia*, vol. XII, 121—144.
- Malkiel Y. 1968. The Inflectional Paradigm as an Occasional Determinant of Sound Change. — Lehmann, Malkiel, eds. 1968, 21—64.
- Martinet A. 1955. *Économie des changements phonétiques*. Berne.
- Martinet A. 1964. Structural Variation in Language. — *Proceedings...* 1964, 521—529.
- Mossé F. 1947. *Esquisse d'une histoire de la langue anglaise*. Lyon.
- Moulton W. G. 1962. *Dialect Geography and the Concept of Phonological Space*. — *Word*, vol. 18, 23—32.
- Neustupný Y. V. 1966. On the Analysis of Linguistic Vagueness. — *TLP*, 2, 39—51.
- Otto E. 1919. *Zur Grundlegung der Sprachwissenschaft*. Bielefeld und Leipzig.
- Otto E. 1954. *Stand und Aufgabe der allgemeinen Sprachwissenschaft*. Berlin.
- Passy P. 1890. *Étude sur les changements phonétiques et leurs caractères généraux*. Paris.
- Politzer R. L. 1950. Рецензия на книгу: A. G. Haudricourt et A. G. Juilland. *Essai pour une histoire structurale du phonétisme français*, Paris, Librairie C. Klincksieck, 1949. — *Word*, vol. 6. 250—254.
- Proceedings of the Ninth International Congress of Languages*. 1964. The Hague.
- Proceedings of the Fifth International Congress of Phonetic Sciences*. 1965. Basel.
- Reaney P. H. 1961. *The Origin of English Place-Names*. London.
- Romeo L. 1968. *The Economy of Diphthongization in Early Romance*. The Hague, Paris.
- Romportl M. 1966. Zentrum und Peripherie im phonologischen System. — *TLP*, 2, 103—110.
- Ross A. S. C. 1944. The Fundamental Definitions of the Theory of Language. — *Acta Linguistica*, vol. 4, 101—106.
- Samuels M. L. 1969. The Role of Functional Selection in the History of English. — Lass, ed. 1969, 325—344.
- Schleicher A. 1879. *Die deutsche Sprache*. Stuttgart.
- Shevelov G. Y. On Predicaments, Predictability and Futurism in Phonology. — *Phonologie der Gegenwart*. Herausgegeben von Josef Hamm. Graz, Wien, Köln, 367—373.
- Sievers E. 1901. *Grundzüge der Phonetik*. Leipzig.

Steponavičius A. 1973. The Development of Old English Diphthongs. — *Kalbotyra*, XXIV (3), 57—73.

Stevick R. D. 1968. *English and History*. Boston.

Sweet H. 1888. *A History of English Sounds from the Earliest Period*. Oxford.

Togebly K. 1960. Les explications phonologiques historiques sont-elles possibles? — *Romance Philology*, vol. 13, 401—413.

TLP= *Travaux Linguistique de Prague*.

Trnka B. 1959. A Phonemic Aspect of the Great Vowel-Shift. — *Mélanges de linguistique et de philologie*, Fernand Mossé in memoriam. Paris, 440—443.

Vachek J. 1961. Some Less Familiar Aspects of the Analytical Trend of English. — *Brno Studies in English*, vol. 3, 9—78.

Vachek J. 1964. On Peripheral Phonemes of Modern English. — *Brno Studies in English*, vol. 4, 7—110.

Vilniaus V. Kapsuko universitetas
Anglų filologijos katedra

Vachek J. 1966 (1). *The Linguistic School of Prague*. Bloomington.

Vachek J. 1966 (2). On the Integration of the Peripheral Elements into the System of Language. — *TLP*, 2, 23—37.

Vachek J. 1968 (1). *Dutch Linguists and the Prague Linguistic School*. Leiden.

Vachek J. 1968 (2). *Dynamika fonologického systému současné spisovné češtiny*. Praha.

Wechssler E. 1900. Gibt es Lautgesetze? — *Forschungen zur romanischen Philologie*. Festgabe für Hermann Suchier. Halle, 349—538.

Weinreich U., Labov W., and Herzog M. J. 1968. *Empirical Foundations for a Theory of Language Change*. — Lehmann, Malkiel, eds. 1968, 95—188.

Whitney W. D. 1872. *Language and the Study of Language*. New York.

Įteikta
1973 m. spalio mėn.